

ПОВЕСТЬ

ПТИЧКА С КРИВЫМ КРЫЛОМ

Анна К.

18+

Анна К.

Птичка с кривым крылом

«Автор»

2026

К. А.

Птичка с кривым крылом / А. К. — «Автор», 2026

Даррел Харвен теряет мать на дороге, а вскоре — и единственного близкого человека: сестру Эллию. Её увозит знатная госпожа под видом опеки, оставляя мальчику лишь мешок серебра, бумагу с его подписью и деревянную игрушку с отломанным крылом. С этого момента поиски становятся не просто целью, а способом не дать памяти исчезнуть. Но история Даррела — не только путь за пропавшей сестрой. Это история взросления среди чужих людей, которые становятся семьёй; история книги, которую он пишет, чтобы сохранить правду о погибших; и история вопроса, который не даёт покоя: можно ли продать того, кого любишь, даже не помня об этом? Переплетая судьбы беженцев, запах клея и сливовых садов, отголоски войны и тихое упрямство повседневной жизни, эта повесть говорит о том, как травма ищет выхода, а дом — не всегда стены, иногда это просто имя, вырезанное на доске рядом с другим.

© К. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Красная дверь	6
Глава вторая. Цена тепла	10
Глава третья. Три сливы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Анна К.

Птичка с кривым крылом

ПТИЧКА С КРИВЫМ КРЫЛОМ

Повесть

Даррел Харвен · Год закрытия Последнего Источника

Глава первая. Красная дверь

Первый дом, в который я постучал после смерти матери, был с красной дверью. За долгую жизнь я забыл немало дверей. Эту помню.

Красили ее давно. Дождь промыл доски до дерева, солнце выело верхнюю половину, а вокруг железного кольца еще держался темный багряный цвет. Мне он напомнил кровь на снегу. Я тогда всякую красную вещь принимал за кровь, всякий дым — за горящий дом, а стук копыт узнавал раньше, чем человеческую речь.

Эллия спала у меня на руках. Ей минул год и два месяца, хотя на вид она была меньше. За дорогу она похудела, щеки опали, светлые волосы свалились на затылке. Мать завернула ее в свою шаль за день до смерти. Шаль пахла дымом, кислым молоком и травой, которой Таллида растирала грудь, когда боль не давала ей дышать.

Мне было девять.

До красной двери мы добирались тридцать четыре дня.

Первые три дня Таллида вела всю группу по отцовскому маршруту: сухой овраг, левая тропа у старого корня, речной путь. Ночами за деревьями еще виднелось зарево Хорвенгорта. Мать не оборачивалась. Я оборачивался за двоих и каждый раз ждал увидеть Арена. Думал, он догонит нас с луком на плече, сердитый из-за башни, дыма и того, что мы ушли без него.

На четвертый день зарева не стало.

К полудню нас нагнали у лесной развилки. Сначала донесся рожок, затем меж деревьев показались люди. Женщины хватали детей, старик не мог подняться, раненого юношу вели под руки. Таллида велела всем идти к реке и не ждать друг друга.

Один из малых упал в снег. Аррис вернулась за ним. Мужчина в коротком сером плаще настиг ее прежде, чем она успела подняться. Я видел меч, Аррис на коленях и кровь на снегу. Мать зажала мне рот и потащила дальше. Ребенка подхватила светловолосая женщина. Аррис не поднялась.

У реки группа распалась. Старик, раненый юноша и несколько женщин ушли вниз по течению. Светловолосая женщина с двумя детьми свернула к старому броду. До речного пути добрались только мать, Эллия и я.

Я помнил всех, кто вышел вместе с нами, даже тех, чьих имен тогда не спросил. Потом искал их среди северян на западных пристанях — сперва мальчиком, позже человеком, которому уже открывали архивы. Верной вести не получил ни об одном.

Мы шли вдоль реки, прятались от больших дорог, спали в сараях и под елями. Таллида несла Эллию, пока могла. Потом начала отдавать ее мне на час, на два, до ближайшего дерева, до следующего поворота. Свет под материнской кожей сперва погас, потом линии потемнели. Она прикрывала их рукавами и говорила, что просто устала.

На восьмой день попыталась согреть камень для Элли. Держала его в ладонях долго, до дрожи. Камень остался холодным.

Мать бросила его в реку.

После этого я перестал просить тепла.

Еду мы добывали разную. В одном селении Таллида починила женщине крышу за хлеб, хотя дважды падала с лестницы. У рыбаков выменяла пояс на сушеную щуку. Я ставил силки и поймал одного тощего зайца; гордился до вечера, пока не пришлось его освежевать отцовским ножом. Три дня мы ели мерзлую репу, найденную на брошенном поле. Эллия научилась плакать тихо — сил на громкий крик не оставалось.

Люди на дороге встречались разные. Старый перевозчик переправил нас через реку без платы. Девушка у угольных ям дала козьего молока и не спросила, отчего у матери черная сетка

на руках. Один пастух разрешил переночевать среди овец. Таллида потом велела запомнить их. Девятилетний я решил, что она говорит о дороге. Должно быть, она говорила о людях.

К портовым дорогам мы вышли на восьмой день. Денег и дорожной грамоты у матери не было. Двадцать дней ни один хозяин судна не соглашался взять женщину с двумя детьми. Мы жили в пустом сарае для сетей. Таллида чинила снасти за рыбу, я носил воду и разгружал соль.

На двадцатый день ожидания хозяин малого соляного судна согласился отвезти нас на западный берег за починку рваного паруса. Перед посадкой у северной портовой заставы проверяли узлы, спрашивали имена, искали беглых и больных. Мать замотала мне руку, Эллию спрятала под плащом. Мы простояли в грязи половину дня. Когда подошла наша очередь, Таллида назвалась вдовой прачкой. Стражник спросил, почему она дрожит.

— Муж худо кончил, — ответила она.

Стражник поглядел на двух детей и пропустил.

Ночью судно вышло из гавани. Два дня нас держали под парусиной рядом с мешками соли. Эллию тошнило, мать кашляла кровью в тряпицу и прятала ее от меня. На второй вечер показался западный берег.

Нас высадили у малой пристани до рассвета. Первый западный дорожный столб стоял за пристанскими сараями. У него мать села отдохнуть — так я подумал. Она сидела долго, прижав обе ладони к груди, и смотрела на вырезанную корону.

— Дошли, Даррел, — сказала она.

В ее голосе не было радости.

До Белого Яра оставалось еще четыре дня. Последние два Эллию нес только я. Таллида шла рядом, держась за телегу, за заборы, за мое плечо. На ночлеге под красильней она уже не смогла подняться. Утром угольщики с западной дороги помогли выкопать могилу возле ивы. Один прочел молитву. Второй отдал мне медную монету и указал, где искать город.

Таллиду похоронили у ивы на дороге к Белому Яру, в чужой земле, без родичей. Люди, которые опустили ее в могилу, не понимали, отчего она умерла.

В девять лет я уже знал, что голодного ребенка поят понемногу, хлеба не показывают собакам, а взрослые чаще лгут, когда говорят ласково. Я считал себя подготовленным, но для поисков дома этих знаний не хватило.

За красной дверью долго шаркали. Я постучал еще раз.

— Иду! Дверь с петель снимешь.

Открыла женщина в сером переднике. В одной руке у нее была рыба голова, в другой — нож. Она поглядела сперва на меня, потом на Эллию, потом через мое плечо, разыскивая взрослого, который должен был стоять рядом.

— Чего стучишь?

— Нам нужен дом.

Так я говорил у каждой двери. Первой женщине сказал, что нужна еда, и получил корку. Второй — что нужна работа, и услышал: приведи отца. У третьей попросил ночлег; хозяин спросил, чем заплачу. У красной двери я наконец сложил просьбу целиком. Нам требовался дом: крыша, очаг, место для Элли и человек, который не выставит нас утром.

Женщина опустила рыбу голову.

— Мать-то где?

— У ивы на дороге к Белому Яру. Ее похоронили угольщики.

— А отец?

— На Севере.

Я не сказал, что он мертв. Тела Арена я не видел. Видел башню в дыму, слышал обрыванный зов трубы, знал, что отец не пришел. В девять лет я оставил ему один невозможный выход. Еще несколько лет сердился, что он им не воспользовался.

Женщина посмотрела на тряпку вокруг моего запястья.

- Под тряпкой что?
- Порез.
- Дай гляну.
- Уже стянулось.

Она отступила в дом. Мне почудилось, что сейчас позовет. Из-за ее спины тянуло жареным луком; на лавке у стены лежала мужская куртка, у очага сохли маленькие сапоги. В том доме были дети. Я увидел вырезанную на косяке черту и буквы над ней. Тогда я читать не умел и решил, что кто-то отметил рост сына.

Женщина закрыла дверь спокойно и даже сказала:

— К храмовым ступай. У нижнего рынка тебе покажут дорогу.

Потом дерево встало между нами.

Эллия проснулась и завозилась. Из шали высунулась ладонь: на запястье под тонкой кожей проступала светлая линия. После смерти Источника она не погасла до конца. У меня линии за несколько недель стали тусклее, у матери почернели, а у Эллии свет держался — узкий, слабый, но живой.

— Руку прячь, — сказал я.

Эллия зевнула.

— Эх ты, глупая.

Она схватила меня за нос.

До нижнего рынка мы дошли к вечеру. Западный город назывался Белый Яр, хотя был бурым от глины, копоти и осенней жижи. Дома теснились вдоль двух дорог. Между ними стояли телеги, лаяли собаки, торговцы прятали товар от дождя. Я шел медленно: Эллия своим весом оттягивала мне левую руку, правую я держал на рукояти отцовского ножа. Нож был мне велик. Он бил по бедру при каждом шаге и придавал храбрости ровно до тех пор, пока никто не смотрел.

Приют при храме опустел еще весной. Кровля провалилась, служившие там сестры ушли в монастырь за рекой. Старик у ворот объяснил, что малых детей разобрали горожане, а тех, кто постарше, отдали в услужение и к мастерам.

— Двоих один дом не возьмет, малец, — добавил он. — Девчонку пристроят. У тебя руки есть, себе на хлеб зарабатываешь.

Я ушел, не дослушав.

Мать перед смертью ничего не сказала о людях, которые станут решать, кому из нас нужен дом. Последние ее слова вообще вышли плохими для прощания.

Мы ночевали тогда под навесом у пустой красильни. Таллида лежала, прижав ладонь к груди, и считала вдохи. Я грел воду в железной кружке над свечным огарком. Эллия плакала от голода.

— По глотку ей. Слышишь? Разом выпьет — вырвет.

— Я знаю.

— И рукав ей на кисть натяни.

— Сам знаю.

— Даррел, послушай.

Я решил, она опять велит не спорить со взрослыми или не доставать нож без нужды.

— Я все знаю, — повторил я.

Она закрыла глаза. Утром ее руки остыли.

После этого я долго верил: не перебей я мать, она успела бы сказать главное. Назвала бы человека на Западе, объяснила, где искать родичей, оставила знак. Много позже пришлось признать: называть ей было некого. Она велела бы кормить Эллию понемногу и прятать ее руку. Это и было главным.

У рынка я купил на последнюю медную монету кружку козьего молока. Эллия выпила его жадно, захлебнулась и половину вернула мне на рубаху.

— Мама говорила.

Она засмеялась. Первый раз после дороги.

Рядом стояла девочка с корзиной репы. Услышав смех, она тоже улыбнулась. Ее мать дернула ее за плечо и увела.

Начинался дождь. Я снова пошел по улице и смотрел на двери.

У постоянного двора «Сломанное колесо» двери не было видно за телегами. Над воротами висел круглый обод без трех спиц. Во дворе пахло конским навозом, пивом и теплой кашей. Хозяйка, Мерта, выслушала меня, ощупала лицо Элли и спросила:

— Монета есть?

— Нет.

— Руки к чему приучены?

— Рыбу чищу. Силки ставлю. Воду ношу. Дерево режу. Работать буду.

— А она?

— Она маленькая.

— Малость — не ремесло.

— Вырастет.

Мерта хмыкнула. Она была толстой, сильной и двигалась быстро. На поясе у нее висело шесть ключей. Я следил за ними, пока она думала.

— До утра, — сказала она. — Хлев вычистишь, воды натаскаешь. Мелкая ночью горло дерет?

— Не дерет.

Эллия немедленно захныкала.

Мерта поглядела на нее.

— Вижу. Оба вы честные.

Нам дали место в кладовой за кухней. Там лежали мешки с овсом, пустые бочонки и сломанный стул. Для меня это был дворец. Стены не пропускали дождь. В медной жаровне краснели угли. Мерта принесла миску каши и старую большую корзину, куда можно было положить Эллию.

Я вымыл сестру теплой водой, накормил, сменил тряпицу и нашел в узле деревянную птичку. Одно крыло у нее было кривым: я вырезал птицу весной, а Арэн сказал, что она летает боком. Эллия узнала игрушку, прижала к груди и заснула.

Я сидел на полу рядом с корзиной и слушал дом.

Над головой ходили люди. На кухне смеялись. Во дворе ругался конюх. Кто-то три раза ударил железом о железо, и я очнулся под мешками, с ножом в руке. Не помню, как туда забился.

Эллия спала.

Я вернулся к ней, лег рядом и просунул два пальца между прутьями корзины. Она схватилась за них во сне.

В ту ночь я решил, что нашел первый дом.

К утру решение оказалось преждевременным.

Глава вторая. Цена тепла

Женщина в синем плаще увидела Эллию за завтраком.

Она приехала в крытой повозке с горничной, двумя слугами и худым писцом. На колесах налипла белая дорожная пыль, хотя в Белом Яру третьи сутки шел дождь. Значит, ехали издалека и большую часть пути провели на каменном тракте. Я заметил это, потому что Арен учил смотреть на колеса прежде лица. Лицо соврет, колесо расскажет, где было.

Я таскал дрова к кухне. Эллия сидела на пороге в корзине, держась за край, и грызла птичье крыло. Увидев меня, попыталась подняться, но ноги задрожали, и она снова опустилась на дно.

Женщина остановилась.

Светлая линия на детском запястье сияла в пасмурном воздухе. Увидеть ее мог всякий. Я бросил дрова, подбежал и натянул рукав.

— Госпожа, не сердитесь, — сказала Мерта. — Приблудные. К вечеру их не будет.

Женщина не ответила ей. На вид ей было лет тридцать. Волосы спрятаны под дорожной сеткой, лицо усталое, у рта две глубокие складки. Темные большие глаза смотрели внимательно. Плащ застегивала синяя стеклянная брошь в форме птицы с длинным клювом.

— Как зовут девочку? — спросила она.

— Эллия.

— Она тебе сестра?

— Да.

Она присела перед корзиной. Эллия вынула птицу изо рта и предложила ей обслюнявленное крыло. Женщина взяла игрушку осторожно, двумя пальцами.

— Сам вырезал?

Я кивнул.

— Рука верная.

Крыло было короче другого, туловище заваливалось, клюв напоминал сучок. Даже в девять лет я отличал похвалу работе от платы за доверие.

— Плохая.

— Следующая выйдет ровнее.

Она вернула птицу Элли и спросила, где наши родители. Я сказал то же, что у красной двери. Мерта добавила про мертвую мать. Худой писец стоял за госпожой с кожаным тубусом под мышкой. Из-под крышки торчал край свернутого пергамента.

— Мой дом велик, — сказала женщина. — Там тепло. Есть нянька, сад и детская.

Я молчал.

— Ей там будет хорошо.

— Нам двоим?

Она посмотрела на писца.

— Тебе найдем хорошего мастера. За обучение я заплачу.

— В одном доме?

— Два места в одном доме обещать не стану.

Я взял корзину за ручки.

— Тогда не надо.

Мерта за моей спиной втянула воздух. Госпожа не рассердилась.

— Подумай без спешки. Ей каждый день нужны молоко, сухая одежда, огонь и лекарь. Одному тебе этого не достать.

— Достану.

— Вчера у тебя не было монеты за кров.

— Сегодня заработаю.

— А завтра?

— И завтра.

Эллия стукнула птицей по краю корзины. Женщина долго смотрела на нее, потом поднялась.

— Я уеду с вечерним колоколом.

— Ответ не переменится.

— Детские ответы нередко меняются к ужину.

Писец улыбнулся мне и что-то черкнул на дощечке.

До полудня я чистил хлев. Мерта велела потом рубить лучину, носить воду, вымести двор. За работу дала хлеб и луковицу, но сказала, вторую ночь мы должны оплатить. Я спросил сколько. Она назвала цену, за которую в Хорвенгорте можно было купить мешок муки.

— Вчера ты меньше просила.

— Вчера про ее руку не знала.

— Она не больная.

— Свет под кожей.

Я сжал рукоять ведра.

— Это не хворь.

— Здесь за такое спорят не словами.

Она ушла на кухню. Я хотел забрать Эллию и уйти сразу, но снаружи лило. У сестры начался кашель, слабый и сухой. Каждый раз она морщилась, а после улыбалась мне, гордая новым звуком.

Женщину в синем я больше не видел. Ее слуги поели, писец отнес наверх поднос, повозка осталась во дворе. К вечеру у меня разболелось запястье. Боль шла от старых линий под кожей к локтю и плечу. После закрытия Источника так бывало часто. Мать говорила, тело ищет привычный ответ и не находит. У нее боль дошла до сердца.

Мерта дала мне похлебку.

— Ешь. Мертвец и тот румянее.

Похлебка горчила. Я решил, в ней много старого лука, и съел все.

Дальше ночь распалась.

Я помню жаровню. Синие угли под золой.

Помню Эллию у меня на коленях. Она тянула птичку к огню, а я отнимал.

Помню женский голос:

— Ты хочешь, чтобы сестра наедалась досыта?

— Да.

— Чтобы спала у огня?

— Да.

— Чтобы никто не увидел эту руку и не тронул ее?

Я сказал «да» в третий раз.

Потом мне дали перо. Или нож. С годами это воспоминание менялось, и каждое новое было убедительнее прежнего. Иногда я видел пергамент и синюю каплю воска. Иногда — ладонь с тремя свежими порезами. Иногда слышал плач Элли в дворе и пытался встать, но ноги не держали.

Еще я помню, что сказал:

— Вместе. Только вместе.

Кто-то ответил:

— Разумеется. Вместе.

Утром корзина была пуста.

Я сперва решил, Мерта унесла Эллию на кухню. Потом увидел распахнутую дверь во двор. На месте повозки остались две глубокие колеи, полные дождевой воды.

Я выбежал босиком.

— Где она?

Конюх чистил стойло. Он отвернулся. Мерта стояла у печи и пересчитывала ложки.

— Где Эллия?

— Уехала.

— Куда?

— С госпожой. Ты сам согласился.

— Нет.

— При писце согласился. Свидетели слышали.

Я схватил ее за передник. Мерта ударила меня деревянной ложкой по лицу. Удар был сильный; из носа пошла кровь.

— Хватит беситься. Мелкой повезло, и тебе серебро оставили.

В кладовой под моей рубахой лежал кошель. Двенадцать серебряных монет. Таких денег я никогда не держал. Горловину стягивала синяя нить. Рядом лежал узкий кусок пергамента с печатью и тремя косыми чертами внизу.

— Я этого не ставил.

— Три черты твои.

— Я букв не знаю.

— Потому и черты.

На левой ладони у меня были три неглубоких пореза. Отцовский нож лежал рядом, лезвие испачкано синей свечной краской.

Я бросился к воротам. Конюх поймал меня за плечо. Я укусил его, вырвался и побежал по тракту.

Босые ноги скользили. Впереди тянулись колеи: две от телеги, между ними следы подкованных лошадей. За городскими воротами тракт раздваивался. На левом пути прошел обоз и растоптал землю, на правом гнали стадо. След исчез.

Я бегал от заставы к заставе, спрашивал про синюю повозку. Один стражник видел ее на грейвенпортской дороге. Другой сказал, она повернула к реке. Третий велел не мешать.

К полудню я вернулся к постоялому двору. Мерта выставила узел на улицу.

— Печать стоит, плата у тебя. С глаз моих.

Я сел в грязь и развязал узел. Там были рубаха матери, две детские тряпицы, ложка, огниво и отломанное деревянное крыло.

Туловище с одним крылом уехало с Эллией. Второе крыло осталось у меня. У основания к дереву прилип кусочек синего воска. На нем отпечаталась половина знака: длинная птичья нога над тремя волнами.

Я положил крыло за пазуху.

Я хотел швырнуть монеты Мерте в лицо. Потом вспомнил о хлебе, убрал кошель и ушел. Купил сапоги, еду и еще два дня искал сестру.

На третий меня нашли у водосборной канавы. Я лежал в лихорадке и держал нож так крепко, что взрослый мужчина не сумел разжать пальцы.

Глава третья. Три сливы

Летта Вен потом не раз рассказывала, что сперва увидела сапоги.

Они были большие, новые и торчали из канавы. Летта решила: пьяный мастер свалился с дороги. Она оставила корзину с нитками на обочине, спустилась и обнаружила меня — худого, грязного, с засохшей кровью под носом. Когда она коснулась плеча, я ударил ножом.

К счастью, лихорадка портит меткость. Лезвие распорол ей рукав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.